

Глава 26. Небесный всепожирающий волк

Чжун Цай перевёл взгляд на Сяо Цинъюя. Этот пернатый кроха тоже появился на свет из яйца шестого ранга, вытянутого из Алтаря, и в его жилах текла частица крови Девятинебесного облачного руха — залог будущего величия и возможности для эволюции.

И вот теперь птенец сам притащил в клюве точно такой же шанс для другого существа. Детеныш серебряного волка, разъедающего кости, казалось, был вылит в той же форме, что и его собственный путь.

У Шаоцянь негромко рассмеялся:

— Сама судьба свела их. А-Цай, не медли, закрепи связь кровью.

Юноша и сам думал об этом. Хитро улыбнувшись, он без лишних слов проколол кончик пальца и позволил алой капле упасть точно на поверхность зародыша.

В то же мгновение в его сердце расцвело странное, почти осязаемое чувство близости. Казалось, невидимая нить связала его с крошечной жизнью внутри, позволяя смутно ощущать робкие, ещё не оформившиеся эмоции маленького существа.

Молодой господин Шаоцянь, поощрительно погладив Сяо Цинъюя по голове, довольно улыбнулся.

Жизнь порой преподносит удивительные уроки.

Желая подарить У Шаоцяню надежду и возможность лично свершить месть, Чжун Цай, не колеблясь, отдал ему лучшее сокровище, которое смог добыть.

И вот теперь птенец, принадлежащий Шаоцяню и уже начавший проявлять охотничьи таланты, принёс в дом зародыш с не меньшим потенциалом, который его спутник тут же передал Цяю.

Если это не предначертание, то что же?

Маленький волчонок, свернувшийся внутри плода, из последних сил впитывал остатки врождённой звериной сущности, жадно поглощая при этом эссенцию крови Небесного всепожирающего волка.

Он инстинктивно чувствовал: если удастся полностью усвоить эту мощь и вплести её в собственную родословную, его предел силы поднимется до недостижимых высот.

Обычно такие существа никуда не торопятся, но даже при затуманенном сознании волчонок ощущал нарастающую угрозу.

«Окружающая среда изменилась... — смутно осознал он. — Жидкость внутри плода перестала течь»

Сяо Цинъюй нетерпеливо прыгал вокруг нефритовой чаши, явно предвкушая рождение «брата». Увидев, как Чжун Цай закрепил связь кровью, он стал вести себя ещё заботливее — расправил свои крошечные крылышки, пытаясь укрыть ими плод от любого дуновения ветра.

Глядя на это, Чжун Цай не удержался от смешка:

— Сяо Цинъюй, ты что, решил стать ему наседкой? Заботишься, будто о собственном дитяти.

Птенец даже не шелохнулся, лишь зачирикал в ответ, а талисман тут же донёс его мысли:

[Не дитя! Брат!]

[Помогаю расти! Помогаю расти!]

[Сущность кончается, сила пространства мешает!]

[Талант пропадёт!]

[В оболочке дыра! Надо закрыть!]

Чжун Цай и У Шаоцянь замерли в замешательстве. Энергия иссякает?

Зародыш внутри плода обычно погружён в особую питательную жидкость. Она должна постоянно циркулировать по определённым законам, порождая врождённую звериную сущность. Это топливо не только питает тело зверька, но и обеспечивает его дыхание и накопление силы в крови. Со временем малыш впитывает всё без остатка, набирается сил, разрывает оболочку изнутри и является миру.

Если циркуляция нарушается, приток врождённой сущности прекращается. Малышу начинает не хватать питания, и он может попросту задохнуться.

Что же до его крови?

Не имея возможности черпать силы извне, зверёк начинает сжигать собственный потенциал, чтобы поскорее вырасти и пробить в оболочке хоть крошечное отверстие для вдоха. Однако мир за пределами плода полон «мутной ци», которая причиняет новорождённому боль и мешает правильному развитию. Даже если такому существу удаётся выжить, его талант оказывается безнадёжно подорванным.

Объяснения Сяо Цинъюя и их собственные знания позволили друзьям восстановить картину произошедшего.

Из-за воздействия пространственных сил внутри разлома жидкость в плоде потеряла свои свойства и перестала вырабатывать энергию. Оставшиеся крохи были на исходе.

Волчонку повезло больше других: внутри уже была эссенция крови высокого ранга, которую он мог использовать как резервный источник питания, не истощая собственные жилы. Но была и беда — чтобы ввести эту эссенцию внутрь, оболочку пришлось немного повредить. Обычно циркуляция жидкости быстро «залечивает» такие раны, но теперь, когда она «умерла», прореха осталась открытой.

Сяо Цинъюй прикрывал плод крыльями именно для того, чтобы не дать мутной ци проникнуть внутрь. Он отчаянно взывал к людям: нужно срочно найти замену питанию, иначе волчонок растратит бесценную эссенцию крови на простой рост! Каждая капля этой эссенции — это шаг к эволюции, и терять их сейчас было бы преступлением.

— Я припоминаю, что есть особые Пилюли Духа Зверя, — задумчиво произнёс Чжун Цай. — Их растворяют в воде, чтобы купать в ней ещё не родившихся существ. Говорят, они действуют почти как врождённая сущность.

У Шаоцянъ едва заметно покачал головой:

— На поиск трав и само изготовление уйдёт слишком много времени. Пока мы закончим, спасать будет уже некого.

— Ты прав, — нахмурился Цай.

Без специальных техник «замораживания» зверёк должен родиться в течение нескольких дней, максимум месяца. Будь у него достаточно сил, он бы спокойно развивался, но сейчас счёт шёл на часы — скоро он начнёт питаться эссенцией крови.

— Может, сходить купить готовых пилюль? — неуверенно предложил юноша, но тут же сам себя одёрнул. — В лавках вряд ли найдётся что-то выше среднего качества. Кормить этого кроху всякой дрянью с примесями?

Шаоцянь знал, что друг на это не пойдёт. Он не хотел обделять первого связанного зверя Чжун Цая и предложил более надёжный путь:

— Возьмём Тысячелетнее духовное молоко. В торговой гильдии «Тяньсин» оно должно быть.

Глаза Чжун Цая вспыхнули:

— Верно! Молоко идеально подойдёт!

Духовное молоко обладает крайне мягкой природой. Оно не только не навредит новорождённому, но и заложит прочный фундамент для роста. В окрестных городах четвёртого или пятого ранга даже признанные таланты редко когда могут раздобыть питомца выше четвёртого-пятого ранга. Их звери не рождаются сразу на второй ступени, как Сяо Цинъюй. Они слабы и не могут сразу есть мясо магических зверей, поэтому их месяц-другой выкармливают обычным духовным молоком.

Молоко десятилетней или даже пятидесятилетней выдержки встречается часто, и его цена не обременительна. Но стоит ему перешагнуть вековой порог, как цена начинает исчисляться не кувшинами, а каплями. Каждая капля столетнего молока стоит один золотой.

А тысячелетнее... Разумеется, оно баснословно дорого.

Но для Чжун Цая и У Шаоцяня вопрос цены не стоял. Даже если не брать в расчёт «судьбу», потенциал этого волка оправдывал любые траты. Сто золотых за каплю? Не такая уж великая сумма, если они могут её себе позволить.

Вернувшись в комнату, они вызвали Цинкуна.

— Отправляйся в гильдию «Тяньсин». Скупи всё Тысячелетнее духовное молоко, что у них есть, — распорядился Чжун Цай и, подумав, добавил. — Если они захотят приберечь часть товара,

предложи десятикратную цену. Если и это не поможет — бери столько, сколько отдадут.

Марионетка безмолвно кивнула и растворилась в тенях.

Затем друзья позвали Сян Линя.

— Сходи в лавку «Тяньсин» и купи сотню капель тысячелетнего молока, — велел У Шаоцянь.

Чжун Цай вручил слуге несколько таинственных жемчужин. Это было сделано для отвода глаз: если кто и узнает, то решит, что господа просто закупают корм для будущего питомца. Когда Сяо Цинъюй подрастёт, его можно будет показывать открыто, говоря, что они просто заключили контракт с редким Зеленокрылым рухом второй ступени.

Сяо Цинъюй продолжал преданно охранять плод. Чжун Цай присел рядом и легонько коснулся его пальцем.

— Старина У, а ведь этому волчонку несказанно повезло, не находишь?

— И впрямь удача, — согласился Шаоцянь. — Оказаться рядом именно в тот миг, когда тот несчастный выпал из разлома.

— И всё же пугает, что пространственные разломы открываются так близко к окраинам, — вздохнул Цай.

У Шаоцянь задумался:

— Разломы редко появляются сами по себе. Обычно это следствие битвы великих мастеров, использования мощных талисманов или формаций. — Он взглянул на друга. — Если бы это было дрожание самого континента, разломов было бы множество, а горы лежали бы в руинах. Но здесь выпал лишь один человек, и других следов нет. Значит, причина в чём-то ином.

— Тот бедолага умер сразу, как выбрался, — рассуждал Чжун Цай. — Значит, переход был крайне нестабильным. Для формаций или талисманов это нехарактерно... Неужели и впрямь попал под горячую руку сильных мира сего?

Шаоцянь покачал головой:

— Если он пытался спастись с помощью талисмана, и в миг активации по нему нанесли удар, пространство могло дрогнуть. Это тоже привело бы к подобному результату.

— В любом случае, — снова повеселел Цай, — тот парень явно явился издалека. Что бы с ним ни случилось, нас это вряд ли коснётся. К тому же за добычей летал птенец, следов мы не оставили, а в горах столько запахов, что никто ничего не разберёт.

— Верно мыслишь, — улыбнулся Шаоцянь.

Вскоре вернулся Сян Линь. Он передал господам флакон с молоком и вернул три лишние жемчужины.

Чжун Цай отмахнулся:

— Оставь себе. Если увидишь в лавках что-то нужное для твоих практик — покупай сразу, потом доложишь. Не стоит упускать хорошие вещи.

Сян Линь, преисполненный благодарности, низко поклонился.

У Шаоцянь попросил у Цая чистую нефритовую чашу, куда переложил плод вместе с птенцом. Сяо Цинъюй, поняв замысел хозяев, тут же вскочил на край чаши и крылом указал на повреждённое место.

— Какой внимательный кроха, — похвалил его алхимик.

Он осторожно откупорил флакон и, затаив дыхание, капнул одну каплю молока прямо на едва заметную трещинку. Жидкость мгновенно впиталась внутрь, смешиваясь с застоявшейся средой.

Маленький волчонок шевельнулся, его дыхание стало глубже и ровнее, а на тельце тут же пробилось несколько новых серебристых волосков.

Работает!

Чжун Цай и У Шаоцянь перевели дух с облегчением. Птенец радостно защебетал, разделяя их восторг. Алхимик поманил его к себе и взглянул на друга. Шаоцянь понимающе раскрыл ладонь. Чжун Цай капнул одну каплю и ему.

Сяо Цинъюй стрелой метнулся к руке, в мгновение ока слизнул лакомство и принялся носиться по всему двору, не зная, куда деть избыток энергии.

Окраины гор Фэньюнь.

Молодой человек в невзрачных серых одеждах, лицо которого было скрыто повязкой, с трудом карабкался по склону. Спустя час он наконец увидел нужное ущелье. Сверившись с чем-то в памяти, он просиял, ухватился за лиану и начал стремительный спуск.

Вскоре он нашёл место, скрытое густыми зарослями. Там, уткнувшись лицом в землю, лежало тело, от которого даже после смерти исходила мощная аура. Кругом были видны сломанные ветви и примятая трава, но стояла пугающая тишина — дикие звери не смели приближаться к этому месту. Именно поэтому юноша добрался сюда без помех.

Увидев труп, он на миг замер, сравнивая реальность со своими воспоминаниями, и его лицо исказила гримаса дикого восторга. Он явно подготовился: достал бамбуковую трубку, выдернул пробку и, задержав дыхание, швырнул её прямо в открытую рану покойника.

Иссиня-чёрная жидкость выплеснулась наружу, заливая плоть. И тут произошло нечто злое. Несмотря на невероятную силу этого тела, яд легко проник под кожу и начал стремительно распространяться. Вскоре весь труп окрасился в мертвенно-чёрный цвет, а его аура мгновенно угасла.

Юноша наконец перевёл дух.

— Не зря я потратил столько сил, чтобы раздобыть этот яд. Теперь он точно не восстанет из мёртвых.

«Это и есть великая удача главного героя, — прошептал он сам себе. — Кровь ещё свежая, значит, выпал недавно. Та вещь должна быть при нём»

«Похоже, и в этот раз я успею первым»

Он позволил себе короткую вспышку радости, но тут же заставил себя ждать. Спустя полчаса он осторожно подошёл к телу, достал железный прут, обернутый особой тканью, и, надев перчатки, принялся обыскивать покойника.

Но через миг торжество на его лице сменилось маской недоумения.

— Как это — нет? Где зародыш?

«Главный герой должен прийти сюда только через пять лет! Плод должен быть спрятан прямо здесь, под одеждой!»

Он лихорадочно заходил взад-вперед, не веря своим глазам.

«Неужели удачу героя может забрать только сам герой? Нет, бред, я уже не раз перехватывал его ресурсы»

«Или мелкие, восполняемые вещи не в счёт, а что-то действительно ценное — нельзя? Опять не сходится. Тот яд «Тысячи насекомых» — это ресурс четвёртого ранга, способный убить того, кто сильнее тебя. Герой использовал его против сильных врагов, а я забрал его раньше!»

«...Может, яд хоть и редок, но герой мог найти ему замену? А этот зародыш — уникален. В нём потенциал девятого ранга, он проходит с героем через весь сюжет...»

Он глубоко вдохнул, пытаясь успокоиться.

«Скорее всего, так и есть. Сюжет героя нельзя менять слишком сильно, нужно действовать осторожнее, по мелочам. Впредь буду внимательнее. В этот раз я просчитался...»

«Ничего, лучше узнать об этом сейчас, чтобы потом не надеть глупостей»

Он замолчал, а потом в его глазах снова мелькнуло сомнение.

«Хотя не стоит делать поспешных выводов... Если я смог попасть сюда, вдруг есть и другие попаданцы, успевшие раньше меня? Тише, тише. Нужно ещё лучше скрывать своё присутствие. Плевать мне на «земляков», здесь каждый сам за себя...»

Юношу звали Цзи Бопин. В этом мире он жил уже пять лет, числясь неприметным отпрыском побочной ветви семьи Цзи — клана второго эшелона в городе Хуюэ.

В своей прошлой жизни он погиб в драке, и каким-то чудом его душа заняла тело этого Цзи Бопина, который скончался в тот же миг. Характеры их были схожи, а поскольку истинный владелец тела обладал лишь средним талантом жёлтого ранга и не пользовался уважением, подмену никто не заметил.

Сначала он думал, что просто перенёсся в иной мир, но однажды услышал от старшего брата имя «Ли Юйцзян». Это был гений небесного ранга, слава о котором гремела на весь Хуюэ.

Его брат, Цзи Боцян, хвастался знакомством с Ли Юйцзяном через какие-то седьмые воды на киселе — его мать была дальней родственницей матери гения. И хотя сам Ли Юйцзян вряд ли знал о существовании этого «родственника», Цзи Боцян не упускал случая приврать о своей близости к великому человеку, за что родители его обожали, а младшие — уважали.

Цзи Бопин тогда лишь вежливо улыбался, но в своей комнате его едва не накрыл шок. Он

понял: мир, в который он попал — это книга!

Причём та самая «гаремная история» для мужчин, которую он листал перед смертью. Ли Юйцзян был там лишь одним из персонажей.

Память Бопина не была идеальной, но раз он читал это совсем недавно, сюжет ещё не выветрился. Жаль только, что из-за вечной нехватки времени он не дочитал до конца и помнил лишь общие очертания и несколько ярких деталей. Опасаясь забыть и это, он тут же записал всё, что вспомнил, и выучил наизусть. Теперь его память была куда острее прежней.

С того дня он начал плести свою паутину. Главный герой ещё не родился, и многие его будущие сокровища дожидались своего часа. Цзи Бопин решил собрать их все, чтобы возвыситься и перехватить инициативу у судьбы.

Бопин действовал хитро и осторожно. За несколько лет он сумел раздобыть немало ценных ресурсов, скрывая свой истинный прогресс от семьи. Он даже втайне продал часть находок, чтобы купить таинственный артефакт, скрывающий ауру.

Два года назад родился главный герой. Бопин понимал: через несколько лет сюжет закрутится по-настоящему, и времени на подготовку почти не осталось. Удача сопутствовала ему, и благодаря украденным ресурсам его сила достигла пика Сферы Небесного Притяжения. С его талантом это было немыслимо — он дышал в спину самому Ли Юйцзяну!

Его планом было дождаться начала сюжета и использовать один из первых «подвигов» героя, чтобы навсегда изменить свою родословную. А там можно будет заявить о себе во весь голос.

И вот, три года спустя, в клане героя случилось несчастье: главный гений семьи был искалечен. Бопин понял — время пришло. Вскоре герой пробудил свою Сокровищницу, и это событие сопровождалось великими знаменьями. Цзи Бопин удвоил усилия. И главной его целью был верный спутник героя — Небесный всепожирающий волк!

В книге история начиналась скромно: это был обычный серебряный волк, разъедающий кости. Герой, спасаясь от чудовищ во время сбора трав, случайно скатился в долину и спрятался в густых кустах. Там-то он и нашёл иссохшее тело.

Герой решил, что человек погиб лет пять назад. Раны были странными — тогда он ещё не понимал, что их оставил пространственный разлом. Будучи беден, он не побрезговал обыскать мертвеца и нашёл у него на поясе сумку с усыхающим плодом. Волчонок внутри едва дышал, был худ и слаб. Герой отчаянно нуждался в защитнике, а денег на покупку зверя не было,

поэтому он решил спасти эту кроху любой ценой.

Он долго искал лекарство, пока в одной ледяной пещере не наткнулся на столетнее духовное молоко. Отдав всё до последней капли, он сумел выходить волчонка.

Поначалу герой видел в волке лишь инструмент, но пройдя через сотни битв, они стали неразлучны. Герой не жалел для него лучших ресурсов, и со временем серебряный волк, разъедающий кости, мутировал в Небесного всепожирающего волка, что поразило даже самого героя.

Спустя годы он добрался до города, откуда был родом тот покойник из леса, и узнал правду. Оказывается, некоторые волки могут эволюционировать, поглощая эссенцию крови высших сородичей. Серебряные волки, разъедающие кости, идеально подходили для этого. Один средний клан раздобыл эссенцию Всепожирающего волка и тайно ввёл её в зародыш серебряного волка, разъедающего кости, чтобы вырастить защитника для своего гения.

Но слух об этом дошёл до мастера Сферы Слияния. Тот выкрал плод, но был замечен. Пытаясь скрыться с помощью талисмана телепортации, он попал под удар, пространство дрогнуло, и разлом выплюнул его здесь, оставив лишь бездыханное тело.

Когда герой нашёл плод в книге, серебряный волк, разъедающий кости, уже истратил почти всю эссенцию крови на поддержание жизни. К счастью, капля ещё оставалась, и в последний миг она впелась в его жилы, заложив основу для будущей мутации. Позже, под опекой героя, он успешно завершил превращение.

В глазах Цзи Бопина это выглядело как щедрый подарок небес для героя. Тот клан не был слишком силён и не смог ничего сделать герою, когда тот вошёл в силу. Более того, одна из дочерей того клана со временем стала частью гарема героя! В итоге плод вернулся в семью, пусть и таким странным путём, и конфликт был исчерпан.

Цзи Бопин обожал такие истории, поэтому помнил всё до мелочей. Подгадав время, он под чужим именем пробрался в маленький городок у подножия гор Фэньюнь. Он подготовился основательно, но книжное описание не было картой. Ущелий и долин в этих горах были тысячи. Бопин потратил уйму дней, прежде чем нашёл нужное место. Если бы всё шло по плану, он бы уже праздновал победу — тело было свежим, значит, он пришёл вовремя.

Но жизнь внесла свои коррективы.

Цзи Бопин вздохнул. Ему оставалось лишь уйти, снедаемому горечью и сомнениями. Эта неудача сильно ударила по его самолюбию, заставив забыть о прежней спеси. Однако он не собирался возвращаться с пустыми руками. Теперь его целью стала та самая пещера со столетним молоком. Оно ведь восстанавливается, верно? Если раздобыть его, можно вырастить другого зверя или использовать самому — лишним не будет.

Той ночью Чжун Цай, собираясь ко сну, получил от марионетки целый кувшин Тысячелетнего духовного молока. В запасах гильдии «Тяньсин» его было много, но это сокровище считалось их гордостью, и продавать всё в одни руки они не желали. Цинкуну пришлось напомнить им, что он уже выставял на торги пилюли пятого ранга, и только тогда ему выделили особую квоту.

Ровно десять тысяч капель. Чжун Цай и У Шаоцянь были более чем довольны. Волчонку столько и не снилось, а остатков с лихвой хватало и для Сяо Цинъюя.

Убрав марионетку, Чжун Цай улыбнулся:

— Теперь-то экономить не придётся.

У Шаоцянь усмехнулся и вместе с другом подошёл к чаше. Он щедро отсчитал пятьсот капель молока, заполнив дно нефритовой чаши. Затем бережно перевернул плод, погружая повреждённое место в питательную влагу. Теперь малыш мог пить вволю.

Не забыли и про птенца — для него приготовили отдельную мисочку.

— Цин Юй, ты тоже растешь, — напутствовал его Шаоцянь, наливая те же пятьсот капель. — Но не жадничай, ешь понемногу.

Птенец радостно зачирикал, соглашаясь со всем сразу.

На следующее утро, едва переступив порог, Чжун Цай и У Шаоцянь увидели Би Цэня, который вместе с Цяо Хун вовсю хлопотал по хозяйству. Заметив господ, юноша тут же бросил дела и поклонился.

— Вернулся? — спросил Цай.

— Прибыл глубокой ночью, господин, — Би Цэнь почтительно протянул письмо от Сунь Лю.

Чжун Цай взял конверт, чувствуя, как внутри всё сжимается от волнения. Что напишет тётя? Как она отреагирует?

— Би Цэнь, как приняла тебя предводительница? — спросил У Шаоцянь.

Юноша, который всё это время внимательно следил за реакцией женщины, доложил:

— Госпожа Сунь Лю была потрясена. Она пыталась скрыть чувства, но я видел, как она взволнована. В её взгляде читалась радость, смешанная с какой-то... робостью.

У Шаоцянь кивнул:

— Свободен.

Би Цэнь тут же вернулся к своим обязанностям. Шаоцянь приобнял Чжун Цая за плечи и подвёл к каменной скамье.

— Читай, чего же ты ждёшь?

Цай вскрыл конверт. Письмо... было огромным. Если Чжун Цай ограничился парой строк, то Сунь Лю исписала листов десять. Её почерк был твёрдым и волевым, под стать характеру, но тон — на удивление мягким, даже суетливым. Она потратила больше половины бумаги только на то, чтобы объяснить, почему не может встретиться прямо сейчас, умоляя Цая не обижаться. Казалось, она так нервничала, что мысли её путались.

Лишь в самом конце была суть. Они встретятся через месяц в Фэньюне, в отдельном кабинете ресторана «Шэнтянь».

— Тётя и впрямь очень хочет меня видеть, — прошептал Чжун Цай, протягивая письмо Шаоцяню.

Тот быстро пробежал глазами по строчкам. Сунь Лю действительно была вне себя от нетерпения — если бы не дела, она бы примчалась в тот же миг. В некоторых местах перо дрожало, оставляя густые капли чернил.

— Время назначено, теперь ты можешь успокоиться? — поддразнил его Шаоцянь.

— Я очень рад, — улынулся Цай. — И ты пойдёшь со мной.

— Разумеется, — отозвался У Шаоцян.

Они уже давно были супругами, и их совместное появление никого не должно было удивить... наверное. Но даже видя, как Сунь Лю дорожит племянником, Шаоцян не мог оставить его одного. Если что-то пойдёт не так... он хотел быть рядом. Как и Цай всегда был рядом с ним.

Дни потекли своим чередом, но в мелочах жизнь изменилась. Спустя пару дней Чжун Цай окончательно освоился с Пилюлями Питания Души — теперь из котла выходили только снадобья высшего качества, а затем, как нечто само собой разумеющееся, появилась первая небесная пилюля.

Цай вихрем вылетел из комнаты и бросился к другу.

— Старина У! Скорее, ешь!

У Шаоцян только закончил чертить талисман и не успел опомниться, как в рот ему запихнули пилюлю. Он тут же почувствовал, как волна живительного тепла вливается в его душу. Всё тело наполнилось таким блаженством и негой, что на миг он лишился дара речи.

Чжун Цай замер рядом, жадно ловя каждое изменение в его лице. Шаоцян выглядел спокойным, как и всегда, но юноша видел: его другу по-настоящему хорошо.

— Ну как? — шепотом спросил алхимик, придвигаясь ближе. — Как оно?

У Шаоцян открыл глаза и тепло улыбнулся:

— Чудесно.

— А чувствуешь? Как часто их надо пить? Сильно помогает? — засыпал его вопросами Цай. — И не вздумай отнекиваться, говори как есть!

В сердце Шаоцяня разлилось тепло.

— Разве я когда-то лгал тебе? — Он прислушался к ощущениям. — Помогает невероятно. Раньше трещины в душе срастались медленнее улитки, а теперь — в десять раз быстрее. Разрывы между частями духа начали затягиваться. Даже повреждения в главных узлах души потихоньку заживают.

— Одной небесной пилюли хватает надолго, но через час её сила начинает слабеть, а через

полдня — исчезает вовсе. Если хочешь, чтобы процесс шёл так же быстро, как сейчас, нужно принимать по одной в час. Но не спеши, две пилюли в день — это уже великое дело, организм усвоит их без остатка.

Чжун Цай просиял и едва не пустился в пляс.

— К чёрту экономию! Скорость — вот что главное! — Он размахивал руками от восторга. — Одна в час, это всего двенадцать в день! Я успеваю сделать восемнадцать партий за сутки, и даже если в каждой будет хоть одна небесная — тебе хватит с лихвой!

Глядя на его искренний порыв, Шаоцянь почувствовал, как сердце тает от нежности.

— Я сделаю так, чтобы ты пообедался этими пилюлями! — провозгласил Цай.

У Шаоцянь невольно хмыкнул. Обьедасться... пожалуй, это было лишним. Но Чжун Цай уже не слушал — он несколько раз крутанулся по двору и скрылся в своей мастерской.

— Жди меня!

Дверь захлопнулась с громким стуком.

«А-Цай всегда такой порывистый, — с улыбкой подумал Шаоцянь. — И это в нём самое прекрасное»

Через час Чжун Цай снова вылетел во двор и всучил другу три небесные пилюли.

— Вот, ешь по расписанию!

Не успел Шаоцянь и слова вставить, как тот умчался обратно. Спустя час — ещё четыре пилюли. И так продолжалось до самого вечера. К ужину У Шаоцянь не только успел принять три штуки, но и стал обладателем целой горсти из пятнадцати небесных пилюль.

Весь этот день его душа словно нежилась в тёплых водах, ни на миг не теряя поддержки лекарства. Тупая, тягучая боль, что годами терзала его дух, наконец-то отступила и больше не возвращалась.

В последующие десять дней Чжун Цай в каждой партии получал по две-три небесные пилюли.

Нефритовый флакон Шаоцяня наполнился до краев снадобьями высшей пробы. Больше всего там было пилюль Питания Души, но хватало и других, поддерживающих дух и тело. Алхимик закусил удила, поклявшись обеспечить друга так, чтобы тот ни в чем не знал нужды.

У Шаоцяню оставалось лишь старательно рисовать талисманы, чтобы у Чжун Цая всегда был запас под рукой, и приглядывать за питомцами. Птенец рос не по дням, а по часам, а волчонок в чаше с каждым днём выглядел всё крепче. Спустя двадцать дней малыш наконец выпитал всю эссенцию крови без остатка.

К тому времени Чжун Цай изготовил для друга больше восьми сотен небесных пилюль. За вычетом тех, что Шаоцянь уже принял, в запасе оставалось ещё шестьсот восемьдесят штук.

В тот день У Шаоцянь буквально вытащил друга из мастерской, где тот всё ещё пытался поставить новый рекорд.

— Пусти! — возмутился Цай. — Дай мне дотянуть до тысячи! Немного же осталось!

Шаоцянь рассмеялся, но руку не выпустил:

— Хватит с меня. Этого запаса мне хватит на два месяца, а к тому времени я уже буду совершенно здоров.

— Правда? — Чжун Цай замер, глядя на него сияющими глазами.

— Совершенная правда, — мягко ответил Шаоцянь.

Алхимик с облегчением выдохнул и повалился спиной на землю. Тот едва успел подхватить его:

— Куда ты падаешь? Ушибиться захотел?

— Разве ты дашь мне упасть? — лениво протянул Чжун Цай, не спеша подниматься. — Это было бы совсем не по-товарищески.

У Шаоцянь только вздохнул. И впрямь, не даст. Что ж, юноша всегда был таким.

— Пойдём, — позвал он, помогая другу подняться. — Есть дело поважнее. Наш волчонок готов явиться миру.

Цай тут же подскочил, забыв об усталости:

— Неужели? Уже?

— Оболочка заходила ходуном, — подтвердил Шаоцянь. — Кажется, время пришло.

Схватив его за руку, Чжун Цай потащил его в дом:

— Чего мы ждём? Скорее!

Они вбежали в комнату. Сяо Цинъюй сегодня даже не улетел на охоту — он замер у края чаши, не сводя глаз с «брата».

На круглом столе стояла нефритовая чаша. Друзья, затаив дыхание, следили за происходящим. В чаше оставалось совсем немного духовного молока, и зародыш жадно впитывал последние капли.

Сквозь полупрозрачную стенку было видно, как волчонок изо всех сил тужится, обрастая густой серебристой шерстью. И вдруг... блеснули острые коготки!

В отличие от Сяо Цинъюя, чьё появление скрывала скорлупа, рождение волка было на виду. Чжун Цай и У Шаоцянь, не отрываясь, смотрели на чашу, чувствуя, как внутри нарастает волнение. Птенец замахал крылышками, словно подбадривая сородича.

И тут волчонок нанёс резкий удар!

Оболочка с негромким треском лопнула. Несколько быстрых движений лапами — и от плода остались лишь ошметки. Маленький зверёк предстал перед ними во всей красе.

В чаше ещё оставалось немного молока. Крохотный серебряный волк, разьедающий кости, чья шерсть сияла чистым серебром, гордо встал на лапки и, задрав мордочку, издал тонкое, по-детски нелепое:

— А-а-а-ву-у-у!

Он был невероятно красив и настолько же трогателен. Чжун Цай и У Шаоцянь переглянулись и счастливо рассмеялись. Но не успели они потянуться к малышу, как Сяо Цинъюй с радостным

писком взмыл в воздух, спикировал вниз, ловко подхватил волчонка за загривок и снова взлетел под потолок!

Птенец был мал, но в силе зверя второй ступени сомневаться не приходилось — он тащил ношу без малейшего труда. Волчонок от такой наглости только глаза выпучил и беспомощно заболтал лапками в воздухе.

— А-а-а! А-а-а-ву-у-у! — заливался он на всю комнату, не понимая, что происходит.

<http://bllate.org/book/15860/1437659>